

Висенте
Бласко Ибаньес

КОНКИСТАДОР

Висенте Бласко-Ибаньес

Конкистадор

«Эдитус»

1929

Бласко-Ибаньес В.

Конкистадор / В. Бласко-Ибаньес — «Эдитус», 1929

ISBN 978-5-00149-517-8

Век великих географических открытий и отважных покорителей морей. Пионеры Нового Света: авантюристы, искавшие славы и богатства, ученые-исследователи неизведанных земель, скромные земледельцы-колонисты. Все они — и те, чьи имена история донесла до наших дней, и те, кто останутся никому не известны — герои романа непревзойденного классика испанской литературы Висенте Бласко Ибаньеса «Конкистадор», впервые опубликованного на русском языке. В 1493 году отчаянный рыцарь Алонсо де Охеда отправляется в Новый Свет со второй экспедицией Колумба. Немало опасных приключений ждет дона Алонсо и его друзей: Франсиско Писарро, Эрнана Кортеса, Америго Веспуччи. Алонсо де Охеда первым исследует побережье Колумбии, даст название открытой им Венесуэле. На берегу Дарьенского залива построит крепость Сан-Себастьян, и это станет началом испанской колонизации Южной Америки. Но найдет ли он то, о чем мечтал и чему посвятил всю свою жизнь?

ISBN 978-5-00149-517-8

© Бласко-Ибаньес В., 1929

© Эдитус, 1929

Содержание

Часть первая	5
I	6
II	15
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Висенте Бласко Ибаньес

Конкистадор

Часть первая
Королева Золотой Цветок

I Слушая голос неба

Звенящие волны ударов колокола словно наполняли воздух тревожной дрожью удивления. Впервые атмосфера земли, обитатели которой никогда раньше и не подозревали о существовании металлов, была наполнена подобными звуками.

Фернандо Куэвас даже представил, как деревья ближайшего тропического леса обретают новую энергию, раскачивая свои кроны в такт голосу серебряного звона. Обезьяны и попугаи – обитатели вековых зарослей – поначалу с молчаливым любопытством слушали растекающийся по воздуху новый звук, куда более мощный, чем все голоса животных и растений этих мест вместе взятые, а теперь испуганно перескакивали с ветки на ветку.

Куэвас, бывший слуга из Андухара, теперь жил в своем собственном доме и сейчас стоял перед дверью, слушая колокольный звон, впервые приветствовавший восход солнца. Его дом был простой хижинкой без окон, подобной жилищам индейцев, со стенами из деревянных жердей и глины, увенчанный крышей из пальмовых листьев. На небольшом расстоянии от грубоватого дома в два ряда стояли ровно такие же, образуя широкую улицу, похожую на улицу военного лагеря. Земля здесь ничего не стоила, и все улицы зарождавшегося поселения были чрезмерно широкими, уходящими к чистому горизонту.

В конце улицы взору Куэваса открывалась возведенная из камня стена, недавно построенная крепостная стена Изабеллы – первого города, основанного испанцами на близлежащих от Империи Великого Хана островах¹.

В своей склонности к преувеличениям адмирал Христофор Колумб всерьез называл «городом» эту кучку хижин, обнесенную каменной стеной для защиты от диких индейцев, живущих в глубине острова Гаити, или Эспаньолы, и нарек его именем «Изабелла» в честь королевы Испании.

Куэваса восхищала та удивительная быстрота, с которой город будто вырастал из-под земли. Шел январь 1494 года. Лишь четыре месяца назад они отплыли от берегов Испании, и вот уже существует поселение, а над его коническими крышами из соломы или пальмовых листьев возвышается недавно построенная церковь с каменной колокольной, на которой и раскачивается единственный колокол, привезенный с другой стороны Океана.

Падре Бойль, каталонский монах, которого Александр VI² назначил епископом всех вновь открытых земель, и двенадцать священников, отправившиеся в это путешествие, собирались этим утром торжественной мессой освятить новый храм.

Однако Фернандо размышлял о другой церемонии, менее пышной, но при этом более важной для него лично, которая должна была произойти после мессы: крещение его сына Алонсико – первого белого человека, родившегося на этих азиатских островах, расположенных по соседству с Индиями, у самого устья Ганга. За его спиной, внутри хижины, которую Фернандо ценил больше любого дворца, поскольку она была его собственной, спала Лусеро, несколько недель назад ставшая матерью, а вцепившись ручонками в ее грудь, хныкал новорожденный, и для Куэваса этот плач звучал самой приятной музыкой, сравнимой даже с мелодией колокола.

В его памяти стремительно промелькнули те события, что произошли в последние месяцы по другую сторону Океана.

---

¹ Колумб считал вновь открытые земли Восточной Азией – окрестностями Китая, Японии или Индии и верил, что они принадлежат Великой Монгольской Империи, описанной в книгах Марко Поло. – *Прим. пер.*

² Второй папа римский из рода Борджиа. – *Прим. авт.*

В Кордове доктор Акоста предпринял все необходимое, чтобы ускорить их брак с Лусеро сразу же после того, как она приняла крещение. Спустя некоторое время Фернандо, простившись со своей женой, которая к тому моменту уже была беременной, направился в Севилью в поисках своего друга и покровителя дона Алонсо де Охеда. Лусеро, которая снова переделалась в женское платье³, при прощании со своим молодым мужем удержалась от слез и проявлений отчаяния.

– Настоящая жена солдата, – сказал с гордостью Куэвас, восхищаясь ее выдержкой.

В Севилье Фонсека⁴ и адмирал Колумб готовились ко второй экспедиции, снаряжаемой на поиски Великого Хана, которая на этот раз должна была отправиться из Кадиса. Флотилия состояла из восемнадцати судов: четырнадцати каравелл и четырех каракк, бывших в те времена судами с самым большим водоизмещением, что не позволяло им встать на якорь в реке Гвадалквивир и потому ожидавшим приказа к отправлению в порту Кадиса.

Куэваса определили на одну из каракк, под командование Алонсо де Охеда. Молодой капитан не был моряком, и на корабле оказался впервые, но вся высшая власть на судне принадлежала ему, а управление кораблем он поручил двум опытным мореходам, находившимся в его распоряжении. На судне также разместили двадцать лошадей для экспедиции – боевых скакунов, участвовавших в осаде Гранады, и их всадников, бывших солдат той войны.

Куэвас сожалел, что ему не принадлежит ни одно из этих животных, и он – верный оруженосец – вынужден лишь пешком сопровождать обожаемого им дона Алонсо.

– Не грусти, – говорил ему молодой капитан. – Война и существует для того, чтобы мужчины погибали, и как только одного из тех идальго, что находятся в моем подчинении, убьют в сражении, клянусь, я отдам его лошадь тебе.

За два дня до того, как флотилия должна была сняться с якоря, Куэвас, выполнив поручения своего нового хозяина в Кадисе, вернулся на каракку и столкнулся с самым неожиданным из возможных сюрпризов. На палубе корабля он увидел молодую женщину, закутанную в плащ, скрывающий огромные размеры ее живота. Это была Лусеро, беседующая с доном Алонсо. Охеда, всегда благосклонно относящийся ко всему дерзкому и необычному, с улыбкой и одобрительным выражением лица слушал девушку.

Лусеро удивилась легковёрности Фернандо при их расставании в Кордове:

– Неужели ты всерьез думал, что я могла оставить своего мужа без поддержки и не последовать за ним?

Чтобы избежать возражений со стороны своей матери и доктора Акосты, она притворилась покорной, держа в секрете свой побег в Кадис. До места она добралась в сопровождении одного погонщика из «новых христиан». Впрочем, ее будущее материнство вызывало уважение окружающих, удерживая от тех соблазнов, которые могла внушить ее молодость. Так она и оказалась в Кадисе, чтобы вновь пересечь Океан, но теперь уже в женском обличье.

Все возражения Куэваса оказались бесполезны. Поскольку дон Алонсо одобрял все, что сделала Лусеро, и лишь от него зависело быть ей на корабле или нет, молодой человек смирился. По закону во флотилию допускались только мужчины. Изначально короли дали согласие на погрузку тысячи двухсот человек, однако с учетом всех тех, кто получил разрешение в последнюю минуту, а также тех, кто прятался на кораблях, чтобы объявиться лишь после выхода в открытое море, их численность перевалила за тысячу шестьсот. Кроме того, на кораблях более или менее тайно находились несколько переодетых женщин низкого происхождения, которые следовали за своими возлюбленными – моряками или солдатами. Таким образом, единственной женщиной, которая оказалась на корабле на законных основаниях с разрешения

---

³ В первой книге дилогии «В поисках Великого Хана» Лусеро участвует в первом плавании Колумба под видом мальчика-слуги. См.: М.-Л., 1959; Калининградское кн. изд-во, 1987. — *Прим. пер.*

⁴ Хуан Родригес де Фонсека (1451–1524) – испанский архиепископ, королевский советник, занимавшийся организацией второго плавания Колумба. – *Прим. пер.*

капитана, была Лусеро, хотя самого адмирала не стали ставить об этом в известность до выхода в море.

25 сентября 1493 года еще до восхода солнца участники экспедиции вышли из Кадиса. На Канарских островах они закупили телят, коз и овец, чтобы разводить этих животных на острове Эспаньола, а также кур и другую домашнюю птицу.

На каракку Охеды, палуба которой превратилась в стойло для лошадей, погрузили еще восемь свиней, которые впоследствии сбежав в горы, необычайно размножились на новых землях и образовали там целые дикие стада. Лекари и знахари экспедиции также захватили с собой с Канарских островов семена апельсиновых деревьев, лимонов и других фруктов, чтобы развести на вновь открытых островах те сады, что в древности дали Канарам название Сады Гесперид.

Куэвас беспокоился за здоровье своей жены. Оставались считанные месяцы до родов, и он опасался трудностей экспедиции и тяжелых последствий. Однако это плавание оказалось таким же простым и приятным, как и первое. Почти все время шли под попутным ветром, да и море оставалось спокойным. К тому же Охеда разместил семью Куэваса рядом с собой, в кормовой надстройке.

Как и в прошлый раз, им встречались целые острова плавучей травы на неподвижной поверхности Океана, большие стаи попугаев и тропических птиц. Земля была уже близко. Поскольку Фернандо и Лусеро были единственными на этом корабле, кто участвовал в предыдущем плавании, то держались они с уверенностью заядлых мореплавателей, а дон Алонсо и оба его помощника их внимательно слушали.

По сравнению со своим первым плаванием адмирал изменил маршрут, взяв южнее. Ему хотелось увидеть острова, населенные карибами, о которых со страхом рассказывали пугливые обитатели побережья Эспаньолы. Так он обнаружил небольшие Антильские острова, которые образуют почти полукруг от восточной оконечности Пуэрто-Рико до побережья Парии в Южной Америке, своеобразный барьер из островов между так называемым Карибским морем и остальной частью Океана.

Первый остров, возникший перед их глазами, Колумб назвал Доминикой⁵, поскольку это произошло в воскресенье; второй получил имя Маригаланте, в честь корабля на котором он плыл, а третий, самый большой, он окрестил Гваделупе, потому как обещал монахам монастыря Святой девы Гваделупской в Эстремадуре, в то время одному из самых знаменитых во всей Испании, дать это название какой-нибудь из первых открытых земель.

Все эти покрытые буйной растительностью вулканические острова, выраставшие из синевы моря, словно гигантские зеленые пирамиды, были населены воинственными людьми, которые осыпали членов экспедиции тучами стрел или готовили им засады и ловушки в джунглях.

Охеда несколько раз высаживался на островах по приказу адмирала, чтобы сразиться с отважными индейцами, однако никогда не разрешал Куэвасу участвовать в этих коротких вылазках. Тот должен был заботиться о своей жене.

По возвращении дон Алонсо и его люди рассказывали о человеческих останках, обнаруженных ими в хижинах этих людоедов. Расчлененные трупы были подвешены к крышам жилищ и провяливались на воздухе, превращаясь в копченое мясо. В стоявшем на огне горшке испанцы обнаружили куски человеческой плоти вперемешку с мясом гусей и попугаев. При этом Охеда с безграничным энтузиазмом, свойственным его темпераментному характеру, описывал красоты тропиков, которые он впервые увидел, ароматы цветов и древесной смолы, многоцветье шелковистого оперения птиц, порхание диких голубей и горлинок.

---

⁵ От исп. domingo – воскресенье. – Прим. пер.

На некоторых островах Карибского моря приходилось вступать в сражения с местными жителями, и испанцы были поражены тем, что индейские женщины сражались наравне с мужчинами. Несомненно, это были те самые амазонки, о которых испанцам рассказывали в первом плавании. Они так лихо пускали свои стрелы, что ранили нескольких христиан, насквозь пробив щиты, которыми те прикрывались.

Некоторые из этих женщин, хорошо сложенные и с менее уродливыми, чем у других индианок, чертами лица, были захвачены в плен, и Колумб, в Испании так строго следивший за тем, чтобы на борту не оказалось белых женщин, распределил индейских пленниц между теми капитанами кораблей, которых ценил больше всего. Один из них, по имени Кунео, итальянец по происхождению, был вынужден связать свою пленницу веревками, поскольку та оказывала сопротивление его желаниям, и впоследствии заявлял, что после совершенного изнасилования его медная красotka отдалась ему с таким воодушевлением, что могла бы преподать урок самым искусным куртизанкам Европы.

При нравах той эпохи в подобной жестокости не было ничего предосудительного. Война оправдывала все. К тому же Колумб, как и большинство «его современников», считали индейцев существами низшей расы, которые не заслуживают обращения, принятого среди белых людей.

Участники экспедиции стремились как можно скорее завершить свое путешествие, поскольку многие из них впервые вышли в море. Адмирал в свою очередь был обеспокоен судьбой той горстки людей, которых они оставили в гарнизоне Ла-Навидад, «Рождественском городе», как он назвал маленький деревянный форт, построенный на землях своего друга, касика⁶ Гуанакари.

Те, кто был в первом плавании, вспоминали счастливые дни, которые они провели на берегах Гаити, остальные же, наслушавшись их рассказов, изнывали от нетерпения и мечтали поскорее достичь этой полной золота земли с райскими садами.

А Куэвас, пока вторая экспедиция следовала к берегам Эспаньолы, вспоминал о неприятных происшествиях первого плавания. В так называемом Заливе Стрел, где в прошлый раз произошла стычка с группой диких индейцев и Фернандо нанес удар ножом самому отчаянному из них, адмирал отправил на берег одного из вывезенных в Испанию индейских юношей, который вернулся в свою страну крещенным и одетым по-испански, чтобы служить переводчиком. Этот индеец, нагруженный подарками, сошел на землю и больше они его не видели. Единственным переводчиком во всей флотилии, оставшимся верным испанцам, был юноша с острова Гуанахани, получивший при крещении в Барселоне имя младшего брата адмирала – Диего Колумб.

25 ноября бросили якорь у Монтекристи, рядом с рекой, которую Колумб назвал Рио-де-Оро. Отряд моряков, исследовав побережье, обнаружил два трупа, на шее одного из которых была затянута испанская веревка из эспарто, но тела оказались настолько обезображены, что невозможно было даже понять, принадлежали они белым или индейцам.

Все больше недобрые предчувствия стали одолевать моряков по поводу судьбы тех людей, что остались в Ла-Навидад. Куэвас, спустившись на берег, нашел еще два разложившихся трупа, причем один из них был с бородой – верный признак того, что тело принадлежало белому человеку.

Однако адмирал и еще несколько членов экипажа сомневались в том, что туземцы могли напасть на гарнизон Ла-Навидад, учитывая то простодушие и непринужденность, с которой они подплывали к флотилии на своих каноэ и поднимались на суда для обмена с командой. Вечером 27 ноября прибыли к бухте Ла-Навидад, курсируя на расстоянии лиги от побережья

---

⁶ Касик – вождь индейского племени. – *Прим. пер.*

из-за опасения напоротья на скалы, среди которых во время первого плавания потерпела крушение «Санта Мария».

Тропическая ночь стремительно охватывала темнотой побережье, и потому никто не мог рассмотреть его очертаний. Нетерпеливый Колумб, дабы избавиться от своих сомнений, приказал произвести два залпа из пушек. В форте Ла-Навидад было оставлено несколько артиллерийских орудий, и они, несомненно, должны были ответить на этот сигнал. Звук выстрелов эхом прокатился вдоль берега. Наступила тишина. Напрасно капитаны кораблей и их помощники прислушивались в надежде услышать хоть какой-нибудь отклик. Ни света, ни звука.

Куэвас и Лусеро были охвачены тревогой, поскольку находились прямо напротив того места, где, как они думали, погиб их враг Перо Гутьеррес. Если по какому-либо капризу судьбы он всё же выжил, то донес бы на них адмиралу!

Но в то же время они сокрушались по поводу мертвой тишины непроглядной ночи, свидетельствующей о том, что не осталось и следа от этого маленького поселения, зарождение которого происходило на их глазах.

Несколько часов члены экспедиции провели на кораблях, охваченные то унынием, то надеждой. В полночь к адмиральскому судну приблизилось каноэ, и индейцы издали поинтересовались, прибыл ли на нем сам Колумб. Они отказывались подниматься на борт до тех пор, пока юнга не поднес факел к самому лицу адмирала, чтобы они узнали его.

Один из родственников касика Гуанакари поднялся на судно и вручил дону Христофору две маски с украшениями из золота, похожие на привезенные из первой экспедиции. Объяснения индейцев о произошедшем в форте оказались весьма путанными, к тому же индеец Диего Колумб, единственный переводчик, был жителем Лукайских островов, и его язык отличался от того, на котором говорили на Гаити. Колумб понял, что многие испанцы погибли, а оставшиеся в живых находятся в глубине острова со своими индейскими женами и что Каонабо, грозный касик Сибао, «страны золотых гор», напал на Гуанакари из-за того, что тот водил дружбу с испанцами; сам Гуанакари был ранен в ногу, до сих пор выздоравливает и потому не смог прибыть, чтобы лично поприветствовать адмирала.

Колумб, доверявший своему другу, «благороднейшему королю», был обрадован. Стало понятно, что многие из его людей погибли, но возможно те, кто выжил, обосновались в глубине острова, чтобы быть поближе к золотым шахтам, и, должно быть, припасли немалое количество благородного металла.

Воодушевившись, люди на всех судах ждали рассвета. Прослышав, что индейцы прибыли с подарками, моряки верили, что утром повторятся все те приятные сцены первого путешествия, о которых им столько рассказывали.

Куэвас и его жена проявляли гораздо меньше оптимизма. Они чувствовали, что индейцы сообщили адмиралу лишь малую часть неприятностей и утро явит им всем последствия страшной катастрофы. В их памяти всплыло возмущение Пинсона и его друзей тем, что адмирал оставил горстку людей среди бесчисленных толп индейцев, обладающих переменчивым нравом и сомнительной преданностью.

Взошло солнце, осветив совершенно безлюдный берег. Куэвас вспомнил, как это место выглядело всего лишь несколько месяцев назад: множество индейцев, одни на пляже, другие плывут к каравеллам, и рой каноэ, непрерывно снующих между берегом и флотилией.

– А сейчас ни лодки, ни человека, ни даже дыма среди деревьев, который говорил бы о существовании хоть одной хижины, – сказал он Охеде, указывая на пустынный берег.

Адмирала тревожила такая безлюдность, и он отправил к берегу шлюпку; дон Алонсо, не меньше стремившийся разгадать эту загадку, сделал то же самое, снарядив небольшую лодку со своего судна во главе с Фернандо, знатоком этих земель.

От бывшего форта остались лишь руины, почерневшие от пожара: разбитые ящики и бочки, разодранная одежда европейцев – немногие оставшиеся свидетельства беспощадного

разорения. А несколько индейцев, наблюдавших за испанцами из-за деревьев, тут же сбежали при их приближении, чтобы не оказаться обнаруженными.

На следующий день Колумб сошел на берег с надеждой, что хоть кто-нибудь из гарнизона выжил и может скрываться неподалеку. Испанцы палили из пушек и мушкетов, чтобы подать сигнал выжившим, но после грохота стрельбы вновь наступала лишь тоскливая тишина.

Колумб помнил о приказе, который он оставил своему родственнику Диего де Аране, чтобы в случае опасности все то золото, которое тот наверняка соберет, было зарыто; поэтому адмирал организовал раскопки в руинах форта, а также приказал осушить колодец. Но бочек, до краев полных золота, о которых так мечтал Колумб, нигде не нашли. Между тем другие отряды испанцев, осматривая окрестности, обнаружили разложившиеся трупы одиннадцати мужчин, судя по костюмам и бородам, они явно принадлежали европейцам.

Наконец появились индейцы, немного понимавшие испанский и знавшие имена всех тех, кто был оставлен под командованием Диего де Араны; лишь тогда с помощью своего единственного переводчика испанцы смогли хоть как-то восстановить трагические события, однако рассказ туземцев был полон сомнительных противоречий и необъяснимых пробелов.

Куэвас был поражен, услышав имя Перо Гутьерреса. Одни индейцы вообще не упоминали его в своих рассказах, но другие говорили о нем как о главном виновнике случившегося. Он не погиб от удара стрелой в горло!

Судя по тому, что говорили о нем некоторые из индейцев, это ранение оказалось не смертельным. Заносчивость Перо Гутьерреса привела к конфликту с Диего де Араной, и он вместе с Эскобедо, вторым помощником, отказались подчиняться губернатору. У них было немало женщин, однако это не помешало заговорщикам соблазнять и других, отнимая дочерей у отцов и жен у мужей. В конечном итоге оба покинули форт в компании с несколькими своими сторонниками и, влекомые сказочными описаниями золота Сибао, отправились на поиски короля тех земель, знаменитого касика Каонабо.

Этот индейский владыка из племени карибов убил Гутьерреса и Эскобедо вместе с их людьми и, собрав войско, напал на форт Ла-Навидад. На тот момент там оставалось лишь десять человек, во главе с губернатором Араной, которые жили в прискорбной беспечности, утратив всякую бдительность. Остальные расселились в окрестностях вместе со своими женщинами. Все они не придали значения тому, что Гутьеррес и Эскобедо, из-за алчности и тщеславия отправившись на поиски Каонабо, этим походом могли пробудить агрессивность грозного касика. Европейцы были уничтожены еще до того, как смогли занять оборону. Лишь восьми из них удалось бежать, но они утонули в море. Гуанакари со своими людьми пытались защитить своих гостей, но поскольку они никогда не были хорошими воинами, Каонабо без труда обратил их в бегство. Сам Гуанакари был ранен в битве, а его поселение превращено в пепелище.

На следующий день после этого рассказа Колумб узнал, что больной Гуанакари находится в ближайшей деревне. Один из испанских капитанов обнаружил его лежащим в гамаке в окружении семи его жен. Адмирал лично навестил его в сопровождении самых важных участников экспедиции, богато разодетых в шелка и парчу или же закованных в стальные доспехи.

«Благороднейший король» заливался слезами, рассказывая о том, что произошло в Ла-Навидад, и расписывал свои усилия, направленные на защиту испанцев. Поскольку он хромал и жаловался на жесточайшие боли, Колумб приказал корабельному лекарю осмотреть его; однако тот, сняв повязки, не обнаружил никаких следов ранения, хоть касик и вопил от боли, пока лекарь ощупывал его ногу.

Некоторые из испанцев заподозрили во всем этом обман, посчитав Гуанакари сообщником Каонабо. Отец Бойль, монах с суровым характером, убеждал адмирала не дать обмануть себя этому индейскому мошеннику. Однако Колумб приводил в качестве доказательства его верности тот аргумент, что основное селение касика разрушено и сожжено. К тому же наказа-

ние Гуанакари за вероломство может усилить недоверие и вынудить к бегству индейцев, которые сейчас относятся к «детям неба» даже с большим почтением, чем во время первой экспедиции.

Гуанакари навестил адмирала на его судне и обнаружил там десять индейских женщин, которые были отбиты испанцами у карибов на одном из вновь открытых островов. Одна из них, которую уже крестили под именем Каталина, очень понравилась касику, который всегда имел огромный гарем и, как утверждали его враги, зачастую подвергал своих жен противоземным прихотям.

После этого визита между касиком, находившимся на острове, и индейскими женщинами на корабле была налажена тайная связь. Однажды ночью, когда весь экипаж крепко уснул, отважная Каталина разбудила своих подруг, и, несмотря на то, что адмиральское судно находилось в трех милях от берега, а море было весьма беспокойным, десять островитянок, с детства привыкших плавать, прыгнули в воду и мощными гребками устремились к темному берегу. Дозорные на судне подали сигнал тревоги, на воду спустили несколько шлюпок, и моряки, налегая на весла, устремились в погоню за беглянками в направлении мелькнувшего на севере побережья огня, который служил маяком для индианок, однако настичь они смогли лишь четырех из них; отважная Каталина и остальные пять девушек спаслись, достигнув берега и скрывшись в прибрежных зарослях.

На рассвете следующего дня Колумб отправил Гуанакари приказ вернуть беглянок; однако гонцы нашли лишь брошенный дом касика, не обнаружив в поселении ни одного индейца. После этого массового побега все считали безлюдные окрестности Ла-Навидад зловещим местом. Черные руины крепости и грубые надгробия, которые возвышались над телами их соотечественников, омрачали красоту близлежащих лесов. Куэвас и Лусеро часто вспоминали бедного Гарви, своего друга-ирландца.

Та часть побережья, что была расположена неподалеку от Монтекристи, с ее просторной гаванью, густыми лесами и двумя реками, полными рыбы, казалась самым удобным местом для закладки города. К тому же Колумб был увлечен рассказами индейцев, согласно которым совсем рядом, раскинувшись в горах почти параллельно новой гавани, находился Сибано, полный золота.

Наконец испанцы смогли высадить на берег войско, а также ремесленников и рабочих, которые должны были построить первый город на этих землях. Они выгрузили товары для торговли с аборигенами, пушки и боеприпасы, сельскохозяйственные орудия, животных и птиц, немало пострадавших во время плавания, а также коней, находившихся на каракке Охеды.

Все были счастливы высвободиться из мучительной тесноты кораблей, от которой так страдали в течение долгих месяцев, и вместо зловония общей скученности вдохнуть аромат тропических лесов.

У Куэваса на глазах буквально за несколько недель возникли улицы и площади Изабеллы. Храм, склад продовольствия и дом адмирала были из камня. Дома же простых обитателей строили либо из дерева, либо из тростника и утрамбованной земли.

Поначалу все работали с энтузиазмом, веря в то, что там, за лесами, в горах, вершины которых виднелись из-за деревьев, их ждет золото. Но в первую очередь нужно было построить город. А уж потом они разбогатеют за считанные часы, поскольку уже находились в Сипанго.

Через несколько дней энтузиазм начал угасать. Тяжелая акклиматизация и жизнь среди девственной, не прирученной человеком природы причиняли страдания колонизаторам. Большинство из них, непривычные к морской жизни, сначала мучались от тесноты на кораблях, соленой пищи и морской болезни. Теперь же люди, привыкшие жить в других условиях, начали болеть от влажного и жаркого климата, постоянных испарений от реки и застоявшегося воздуха густых лесов.

До этой поры многие из них умели только воевать и не привыкли к повседневной работе. А ремесленники и строители нуждались в перерыве и отдыхе после тяжелого путешествия, но были вынуждены спешно разравнивать землю и строить город. Некоторых подкосили болезни, физические страдания приводили к разочарованиям. Испанцам приходилось вести почти дикое существование, в то время как всего несколько дней назад они мечтали о богатых городах Катая, представляя себя в его мраморных дворцах или под золотыми крышами Сипанго. Окрестные индейцы приносили золото на обмен, но очень мало, и было понятно, что заполучить этот металл можно будет только тяжелой, изнурительной работой.

Даже воодушевленный надеждой на успех Колумб заболел и провел несколько недель в постели.

Так обстояли дела в то время, когда Лусеро родила своего сына под наблюдением доктора Чанка, известного севильского медика, который добровольно отправился в это второе плавание, соблазненный новизной открытий и заверениями адмирала, что сейчас они уж точно найдут Империю Великого Хана.

Стоя у двери своей хижины Фернандо Куэвас, как и большинство испанцев, приехавших, чтобы обосноваться в этом красивом, пышно украшенном самой природой, но губительном и недоброжелательном к чужеземцам месте, тоже колебался между разочарованием и энтузиазмом.

Тучи кровожадных насекомых стали адом их ночей. Песчаные блохи и другие паразиты с яростью впивались в белокожие тела. Юноша с тревогой размышлял о том крохотном существе, плоть от плоти его, которое находилось всего в нескольких шагах от него, оно дышало и даже уже начинало открывать глаза. Со всей своей родительской заботой он должен был защитить сына от опасностей прекрасного, но такого недружелюбного мира. К тому же он беспокоился и о Лусеро, бодрой во время самого плавания, но сейчас так ослабленной материнством.

Глядя на зарождающийся город, Фернандо терзался мучительной загадкой. Суждено ли им всем умереть, уничтоженным этим гиблым климатом или, как гарнизон Ла-Навидад, они окажутся застигнутыми врасплох внезапным нападением тех таинственных краснокожих воинов, что живут за лесами, в далеких горах, красных как кровь на рассвете и синих в сумерках?

Однако уверенность, которую демонстрировал непоколебимый дон Алонсо, Рыцарь Пресвятой Девы, вновь вдохновляла Куэваса. Поскольку, как говорил адмирал, они уже несомненно находились в Сипанго, здесь, в глубине острова, должны существовать богатые города и золотые рудники, где отважный человек, благодаря своей доблести, мог завладеть внушительными богатствами.

Ему не приходилось сетовать на судьбу. Возможно, скоро к нему перейдет одна из тех двадцати лошадей, что словно сказочные существа, так восхищали и пугали туземцев. Со дня на день воин из отряда Охеды, которому принадлежал жеребец, мог умереть от полученного на островах Карибского моря ранения ядовитой стрелой. В мечтах Куэвас видел себя первым, кто проникнет в таинственную глубину Сипанго. Чего еще он мог желать?

Колокол все еще звучал над его головой. Перепуганные поначалу стайки попугаев, покружив, теперь возвращались, привлеченные любопытством. Воздух повторял мелодию металлического звука с гармоничной вибрацией чистого хрусталя. Утро улыбалось с наивным и детским энтузиазмом, увлеченное этой новой музыкой.

В верхушках деревьев среди листвы можно было увидеть сотни обезьян, слушавших с комической серьезностью. Ниже, между лианами и стволами, появились и другие головы, гораздо более крупные. Звук божества из бронзы, привезенного белыми людьми с небес, голос которого мог разноситься на такие огромные расстояния привлек индейцев из глубины острова.

У некоторых из них были длинные волосы, украшенные высокими перьями, лица и тела были раскрашены, в руках – луки, стрелы и тяжелые палки, которые они держали наподобие

меча. Они были точь-в-точь похожи на тех, что в конце первого путешествия пытались захватить в плен бывшего слугу из Андухара и отряд моряков.

II

В которой Рыцарь Пресвятой Девы находит золото и героически борется с голодом

В один из дней Алонсо де Охеда, который жил в том же каменном доме, что и адмирал, отправился к Фернандо.

Накануне дон Христофор, который все еще страдал от лихорадки и оставался в постели в угнетенном состоянии духа, призвал к себе молодого капитана. Корабли флотилии уже закончили разгрузку и должны были возвращаться назад в Испанию. Адмирал, который рассчитывал заполучить в свое распоряжение огромное количество золота и специй, собранных гарнизоном Ла-Навидад, вместо этого обнаружил лишь трупы и руины. Что скажут в Испании короли и все те, кто с таким ликованием приветствовал его в прошлый раз при известии об этих находках?

– Необходимо хоть что-то туда отправить, – принял решение Колумб. Мы находимся на побережье Сипанго⁷, а в глубине острова, с другой стороны этих всем надоевших гор, которые мы видим отсюда, в каких-нибудь более обжитых местах должны существовать многолюдные города. Все индейцы рассказывают о Сибоа как о местности, где полно золота, да и само имя касика Каонабо, что на нашем языке означает «властелин дома из золота», подчеркивает огромные богатства его владений. Вряд ли его рудники находятся дальше, чем в трех-четыре днях пути отсюда в глубь острова. Возьми кого-нибудь из своих людей, сынок, и разведайте местность до того, как корабли поднимут якоря; если Богу будет угодно и мои ожидания подтвердятся, флотилия сможет привезти в Испанию весть о том, что мы наконец-то открыли золотые горы Сипанго.

И Охеда направился к своему протеже сообщить, что тот будет участвовать в этой экспедиции. Куэвас попрощался с Лусеро, уверенный в том, что его отсутствие продлится не более недели. Молодая женщина уже оправилась после родов, однако была еще слаба, но вместе с тем окрылена гордостью материнства. Дон Алонсо, будучи крестным отцом ребенка, дал ему свое собственное имя. Самые знатные сеньоры нового поселения заботились о Лусеро и ее сыне, поскольку он был первым новорожденным в Ла-Изабелле. Главный интендант города частенько присылал ей подарки. Те тайно следовавшие за экспедицией женщины, о которых мы уже упоминали, в порыве женской солидарности приходили в дом роженицы, чтобы побыть добровольными помощницами. Они продолжили ее навещать и после родов, поскольку Лусеро всегда принимала их с доброй терпимостью, несмотря на всю разницу в их социальном положении. Неопределенность их жизни в условиях опасности в этом совершенно неизведанном мире стирала все социальные различия, которые существовали до того момента, пока они не сошли на берег.

Фернандо и в себе самом заметил одно существенное изменение в условиях этой новой жизни. Все те всадники, которые сейчас находились под командованием Охеды, в Испании были молодыми идалго, гордящимися своим происхождением и победой над маврами; они проявляли немалую долю тщеславия, рассказывая о своих богатых родственниках и других важных персонах, состоявших в родстве с их семьями.

Там, в Испании, Фернандо был бы для них всего лишь жалким слугой, сыном никому не известного оруженосца. В новом же мире, который уравнивал всех, в юноше расцвело чувство собственного достоинства. Он был сыном солдата, так же как и предки всех остальных погибшего на войне, а не какого-нибудь ремесленника или крестьянина, а потому чувствовал

---

⁷ Колумб полагал, что остров, на побережье которого они находятся, легендарный Сипанго, описанный Марко Поло, то есть современная Япония. – *Прим. пер.*

себя таким же идальго, как и все. И лишь симпатия и обожание заставляли его признавать старшинство Охеда.

Итак, следующим утром Фернандо вместе с храбрым капитаном и еще шестью благородными юношами, уже ставшими его друзьями, отправился в путь. Все они были верхом на андалузских лошадях, крупных, мощных, с длинными хвостами и гривами, украшенными колокольчиками, непрерывное позвякивание которых, одновременно с металлическим скрежетом доспехов, придавали этим восьмерым рыцарям и их скакунам внушительный вид в глазах индейцев. Те готовы были поверить в мифических кентавров, сошедших с небес, полулюдей-полуживотных, которые иногда распались, а иногда сливались, образуя единое существо.

Охеда с радостью ринулся в эту опасную и рискованную экспедицию. Вот уже много дней его снедало чувство ревности и соперничества: тот зуд, который испытывает любой храбрец, когда непрерывно слышит разговоры о ком-то другом, столь же отважном.

– Я сыт по горло разговорами о Каонабо, – говорил он. – Индейцы говорят об этом касике в горах так, словно он готов сожрать нас. Устроим же набег на его земли и посмотрим, что он нам сделает.

Отряд отправился прямо в глубь острова, постепенно отдаляясь от моря. Первые пару дней переход был тяжелым, продвигались медленно. Им приходилось пересекать лесную чащу по едва заметным тропам, которые проложили индейцы своими босыми пятками.

За это время им никто не встретился. Те индейцы, что отважились жить рядом с поселением белых, удирали, едва завидев закованных в железо людей, сидящих верхом на трусивших рысцой фантастических существах, время от времени сотрясавших тишину леса пронзительным ржанием.

На второй день к вечеру испанцы достигли подножия горного хребта и сквозь узкое ущелье выбрались на плато, где и заночевали. На восходе солнца они увидели, что внизу простирается великолепная обширная равнина с рассыпанными по ней рощицами и многочисленными деревушками; ее пересекало выющееся русло реки Ягуи, точь-в-точь такой же, как Рио-де-Оро, устье которой Колумб обнаружил на Монтекристи.

Спустившись в долину, они поехали через деревни, многочисленные жители которых встречали Охеда и его всадников с почтительным и восхищенным радушием, словно те были какими-то божествами. Им пришлось несколько раз переходить вброд реку и впадающие в нее притоки, и через несколько дней пути по равнине испанцы приблизились к горам, что возвышались напротив.

Они уже находились в золотых краях Сибао. Грозный Каонабо, видимо, отсутствовал, находясь в каком-нибудь военном походе, и потому не появлялся, чтобы преградить им путь.

Жители этой страны тоже ходили обнаженными, как и индейцы на побережье, и вели такую же примитивную жизнь. В глубине острова всадники так и не обнаружили и следа тех огромных богатых городов, на существование которых надеялся Колумб. Но, тем не менее, увидев столь явное опровержение расчетов адмирала, Охеда не впал в уныние.

– Не знаю, Сипанго это или нет, – сказал он Куэвасу, – но золота здесь полным-полно.

Ослепительными миражами перед их глазами смешались мечта и реальность. Они видели, как склоны гор искрятся мелкими частицами золота. Индейцы умело извлекали эти мельчайшие зернышки и дарили их этим страшным кентаврам. Порой они приносили и камни с прожилками металла, похожими на чистое золото, которые, однако, не имели никакой ценности, как это случалось и во время высадки с адмиралом на реке рядом с Монтекристи.

Тем не менее и настоящего золота оказалось предостаточно. Поскольку индейцы не особо ценили его, потоки воды, спускающиеся с гор, намывали драгоценный металл в течение веков в русла рек и ущелий, так что испанцы были первыми, кто разведal, хотя и наспех, эти месторождения.

В одном из ручейков Охеда даже обнаружил золотой самородок весом в девять унций.

– Все это не более чем крошки, рассыпанные по земле, – воодушевленно сказал идадьго. – Куда важнее то, что скрывается в расщелинах и недрах самого хребта, и мы это добудем, когда вернемся сюда в более спокойной обстановке.

Охеда со своими людьми спешил вернуться в Ла-Изабеллу, поскольку адмирал с нетерпением ждал его возвращения, чтобы отправить корабли, да и новости, которые они везли, были весьма приятными.

Колумб был готов поверить в любую, даже самую преувеличенную щедрость этой земли и воспрям духом после доклада молодого капитана, обладавшего таким же богатым воображением и восторженностью, как и сам адмирал. Всех жителей города также взбудоражили те истории, которые Куэвас и его товарищи рассказывали, переходя от одной группы к другой.

Время года было как раз подходящим для возвращения в Испанию, и Колумб этим воспользовался, он оставил пять кораблей для нужд поселения, а остальные отправил в Кадис.

Адмирал послал в Испанию образцы золота, найденные Охедой, а также фрукты и разные необычные растения, а тот факт, что груз был небольшой и довольно бедный, попытался загладить длинными письмами с описаниями красот острова и заверениями, что уже в следующем рейсе отправит корабли, полные золота и специй. Взамен он в тревоге просил, чтобы как можно скорее ему доставили новые запасы продовольствия.

В Ла-Изабелле проживало более тысячи человек, не привычных к индейской пище, и уже начинала ощущаться нехватка продуктов, привезенных из Европы. Во время путешествия они лишились большей части вина, поскольку оно хранилось в бочонках, плохо приспособленных к высоким температурам тропиков. Также нужны были продукты, лекарства, одежда, оружие и немалое количество лошадей. А поскольку в данный момент Колумб не мог отправить достаточно золота, чтобы приобрести все то, что было необходимо для нужд колонии, в своем письме он предлагал дать ему полномочия на захват индейцев-людоедов и отправку их в Испанию, где можно было бы, предварительно окрестив их, продать в качестве рабов. Таким образом королевская казна сможет получить огромный доход, островитяне освободятся от своих грозных соседей-карибов, а церковь приобретет множество новообращенных, попутно спасая их души.

Отправление флотилии в Испанию вызвало среди жителей Ла-Изабеллы уныние и грусть. Сотни людей смотрели, как по направлению к Испании удаляется основная часть кораблей, в то время как они остаются на этой земле, прекрасной, но безжалостной, сжираемые болезнями, обреченные сидеть на голодном пайке, словно на корабле, когда не хватает запасов; им приходилось заниматься такими работами, с которыми большинство из них никогда раньше не сталкивалось, в одночасье они превратились в строителей или крестьян, в то время как прибыли сюда воинами, в надежде завоевать хоть и маленькое, но королевство.

Ради того, чтобы отправиться в это новое плавание аргонавтов, многие из них продали, зачастую и вовсе за бесценок, свои испанские владения, полагая, что разбогатеть на землях Великого Хана – вопрос нескольких недель, не более того... Однако уже сейчас перед ними маячило их будущее: в нищете, среди голого непритязательного народа, привычного к жизни безо всяких удобств.

Стали возникать сомнения по поводу обещаний адмирала. Вновь появилось немало тех, кто считал его мечтательным болтуном, как в те времена, когда его звали «рыцарем в рваном плаще». Где эти богатые азиатские города из мрамора, шеренги слонов и сверкающие золотом процессии? Подумать только, одни из них искали связи при дворе, чтобы стать участниками этой экспедиции, другие – скрывались на кораблях, испытывая жуткие страдания, и все это лишь для того, чтобы присутствовать при мифическом дележе богатств, который должен был состояться по ту сторону Океана!

Колумб оправдывался, напоминая, как еще в Севилье и Кадисе перед отбытием флотилии предупреждал, что экспедиция будет не такой комфортной, как представляли себе ее

участники, и хотя золото и существует, но предстоит приложить немало усилий, чтобы заполнить его. Все это было правдой, но наш мечтатель забывал, что несколько месяцев назад, вернувшись из первого плавания, он возбуждал в людях восторг своими приукрашенными описаниями несметных богатств, которые их ждут за Океаном, а толпа всегда больше запоминает первые оптимистические заверения, отменяя последующие благоразумные уточнения.

Куэвас начал замечать, как растет враждебность испанцев по отношению к Колумбу. Они с Лусеро демонстрировали восхищенное уважение к адмиралу, признавая при этом справедливость многих его обид. Однако они находили обоснованными и жалобы больной, изможденной и отчаявшейся толпы, утверждавшей, с каждым разом все громче, что Колумб их обманул.

Одним из самых влиятельных людей в поселении был казначей экспедиции Берналь Диас де Писа – человек, принятый при королевском дворе. Он бросил свою работу в Испании, всем сердцем поверив в то, что едет управлять огромными богатствами земель Великого Хана, словно визирь из восточных сказок, но когда оказался на диком острове, его постигло разочарование, сменившееся ненавистью к адмиралу.

Еще одним недовольным был исследователь и специалист по очистке металлов по имени Фермин Кадо. Он тоже прибыл в надежде обнаружить горы, полные золотой руды, а увидев лишь принесенные индейцами горстки металла, в большинстве своем низкого качества, во всеуслышанье заявлял, что на острове отсутствуют крупные золотые месторождения.

Эти недовольные разработали план захвата пяти кораблей, стоявших на якоре напротив Ла-Изабеллы, чтобы отправиться на них в Испанию с петицией к королям от Бернала Диаса де Писы, в которой все бедствия новообразованной колонии были бы описаны с долей преувеличения для еще большего контраста с фантазиями Колумба.

Но план провалился из-за неосторожности заговорщиков и их трусости перед сторонниками адмирала. Колумб посадил Диаса де Пису под арест на одном из судов, чтобы отправить его назад, в Испанию, и наказал остальных участников этого первого из мятежей, число которых еще будет множиться в течение его правления.

Колумб уже оправился от болезни, да и необходимо было как-то подбодрить людей, а потому он начал готовить большую экспедицию в горы Сивао. На время отсутствия адмирал назначил губернатором своего брата Диего. Куэвас ценил того за спокойный и мягкий характер, признавая при этом, что опрометчивость его высказываний зачастую бывает пусть и искренней, но несвоевременной. Диего был наименее умным из всех Колумбов, одевался почти как священник, а все свои тайные амбиции направлял на то, чтобы могущественный брат-адмирал добился от королей его назначения епископом.

В экспедицию в глубь острова отправилась большая часть населения Ла-Изабеллы. Поскольку Колумб намеревался возвести рядом с рудниками крепость, он взял с собой всех мастеров и рабочих колонии. В поселении остались лишь мужчины, необходимые для обороны его каменных стен.

Рядом с адмиралом верхом на лошади ехал дон Педро Маргарит, знатный каталонец, который во втором походе командовал всем войском. Четыреста мужчин, составлявшие основные силы экспедиции, с учетом их превосходства в вооружении, были внушительной армией для здешних земель. Они выехали из Ла-Изабеллы с развернутыми знаменами, под звуки труб и барабанов, в сопровождении толпы индейцев, собравшихся поглазеть на это поразительное зрелище. В авангарде ехал Охеда с отрядом своих всадников.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.